

Дневник госпожи Сарасина (Окончание)

Irina Melnikova

Сначала я явилась всего на один вечер. Поверх восьми слоёв нижних одежд оттенка „хризантема“ я была облачена в тёмно-пурпурный шёлковый верхний наряд. Всегда погружённая в чтение повестей, я не имела ни связей, ни знакомств в свете, и живя под крылышком своих родителей, людей старого склада, я только и умела, что любоваться луной и цветами. Теперь, попав в общество, я сама себя не помнила, не зная сон это или явь... На рассвете я вернулась домой.

Душою неискущённая провинциалка, я раньше думала, что по сравнению с размеренной жизнью в родительском доме, я много интересного смогу увидеть и услышать, будут у меня и свои радости... Временами я и теперь на это надеялась, но привыкала к новому месту с трудом, и уже видно было, что меня ждали лишь разочарования. Хотя я это понимала, как мне было поступить?

В двенадцатую луну я снова поехала ко двору. На этот раз у меня была своя комната, и я прислуживала во дворце не один день. Иногда приходилось и ночь проводить в высочайших покоях, лёжа бок о бок с совсем незнакомыми дамами. Я не могла даже задремать от смущения и робости, и проливала слёзы, а на рассвете, ещё в темноте, возвращалась в свою комнату и весь день представляла, как тоскуют без меня мои старые и немощные родители, для которых я единственная опора. Все

мысли мои были - любовь и тревога о них. Да и племянницы мои, рано лишившиеся матери - почти с самого своего рождения они были со мной, даже спать я их укладывала возле себя, одну справа, а другую слева - их я тоже вспоминала и жалела. Так я и жила, словно душа блуждала где-то далеко-далеко... Во дворце же мне всё время казалось, что на меня смотрят, даже потихоньку подглядывают, и я смущалась и чувствовала себя крайне стеснённо.

Но вот прошло десять дней, и я вернулась домой. Отец и мать ждали меня, приготовив жаровню с угольями. Лишь только увидев меня, спускающуюся из экипажа, отец расплакался: „Когда ты была дома, к нам кто-то иногда заглядывал, иногда посыльные приходили, а в эти дни - хоть бы голос чей-то раздался, хоть бы тень человеческая промелькнула! Никого, одиночество и тоска. Как мне, старику, жить?“ - на него было больно смотреть. На следующее утро он говорил: „Вот ты нынче здесь, и к нам всё время кто-то приходит, стало гораздо живее!“ - а сам всё время сидел напротив меня. Мне было так жаль родителей! У меня самой глаза были полны слёз, и я думала - неужели же я так нужна им?

* * *

Говорят, что даже мудрецу очень редко выпадает увидеть сон о своих прежних рождениях, а мне, плутающей в этом мире без опоры и цели, такой сон приснился. Я была в молитвенном зале храма Киёмидзу, и ко мне подошёл человек, по виду монах высокого звания:

- В прежней жизни ты была монахом в этом храме. В воздаяние за то, что тобою было вырезано множество деревянных статуй Будды, ты возродилась теперь в благородном семействе. Будда высотой в один дзё и шесть сяку, который стоит у восточной стены этого зала, тоже вырезан тобою. Смерть пришла к тебе как раз, когда ты покрывала статую золотой фольгой.

- Но ведь этого нельзя так оставить! Я теперь же должна закончить работу и позолотить статую! - сказала я.

- Когда ты умерла, другой человек покрыл её позолотой и освятил.

После того, как я увидела этот сон, мне следовало бы всей душой отдаться паломничеству и совершать подношения в храме Киёмидзу, ведь в прошлом рождении я уже познала силу молитвы, вознесённой в этом храме, и может быть, благодать была бы вновь мне ниспослана... Теперь уже бесполезно об этом говорить, так как ни паломничества, ни подношений не последовало, я оставила и этот сон без внимания.

В двадцать пятый день двенадцатой луны я была приглашена во дворец на праздник возглашения имён будд¹, и отправилась, полагая, что это только на один вечер. Присутствовало около сорока дам, все в белых нижних одеждах „кину“ и в тёмно-пурпурных верхних нарядах. Я пряталась за спину той знакомой дамы, которая пригласила меня на дворцовую службу, и старалась затеряться среди всех остальных, а на рассвете вернулась домой. Был очень сильный снегопад, хлопья летели со всех сторон, и на рукаве моего шёлкового пурпурного наряда виднелось смутное отражение утренней луны - казалось, что лик её влажен от слёз

И год уж на исходе,
И эта ночь...
Луны рассветной отблеск
На рукаве моём,
Как тень непостоянства.

Если бы я так и продолжала бывать при дворе, то привыкла бы в конце концов к дворцовой службе, ведь хотя я и сторонилась общества, но не до такой степени, чтобы прослыть неуживчивой, и со временем, ко мне бы стали относиться так же, как и к остальным. Однако, вскоре родители, уж не знаю, что было у них на сердце, заперли меня дома².

Это моё новое положение отнюдь не прибавило нам ни блеска, ни могущества, как можно было бы ожидать, и хоть я в своих наивных мечтаниях была непритязательна, реальность оказалась уж слишком на них не похожа. Мне оставалось только в одиночестве повторять про себя:

Уж сотни сотен раз рвала я
Ту горькую полынь³
По берегам реки,
А всё, что в сердце загадала,
Ни на росинку не сбылось!

* * *

Отныне для меня настало время, полное хлопот, и я совершенно забыла свои книги, занятая домашними делами. Успокоившись душой, я стала задаваться вопросом, почему все эти долгие месяцы и годы я праздно влачила свои дни от рассвета до заката, и не молилась, не ходила в паломничество... Все мои несбыточные мечты, все мои долгие раздумья - разве это о нашем здешнем мире? Разве может в нём жить человек, подобный принцу Гэндзи? И офицер дворцовой гвардии Каору тайно поселил свою любимую в Удзи⁴ – тоже в несуществующем мире. Ах, как же замутнён был мой разум! Теперь-то я прониклась тщетой былых своих упований, тут бы мне и очнуться, заняться делом, но я этого не умела...

Во дворце, где я служила, никто не верил, что я порвала со светом и затворилась дома, мне передавали это знакомые дамы, да и приглашения я не переставала получать. Когда же мне прислали специальное приглашение, в котором было велено „представить молодых особ“, моих племянниц, я не могла уже этим пренебречь и явилась вместе с ними. В связи с их выходом в свет, мне также приходилось время от времени

посещать дворец, но теперь уж в моём сердце не было места честолюбивым и безосновательным надеждам, которые я питала в прежние дни.

Я всего лишь сопровождала молодых и от случая к случаю являлась ко двору, мне далеко было до опытных придворных дам, которые в любых обстоятельствах держат себя так, словно они-то уж знают, что делать. Я не была уже юной начинающей прислужницей, но никто не воспринимал меня и как умелую фрейлину, скорее было особое отношение, как к гостье, выполняющей некоторые поручения. Положение это было неустойчивым, но ведь и для меня оно не было единственным смыслом жизни, и хоть вокруг были люди достойнее меня, я совершенно не испытывала зависти, наоборот, чувствовала себя свободнее, когда приходила в назначенное время, а в минуты досуга запросто беседовала с другими дамами. Ни во время дворцовых торжеств, ни во время других редкостных и интересных событий, я не считала возможным вмешиваться не в свое дело, или бросаться людям в глаза, словом вести себя нескромно, я предпочитала проводить время, слушая других.

* * *

Когда я была в свите принцессы во время её посещения императорского дворца, вечерний месяц светил очень ярко, и я, вспомнив о том, что здесь во дворце пребывает богиня Аматэрасу, которую мне следует почитать, решила воспользоваться случаем и помолиться ей. Четвёртая луна года бывает ясной, и при свете её я стала искать это место. Даму по имени Хакасэ, которая служила там, я знала. В тусклых лучах лампадки она выглядела пугающе старой, и сама внушала священный трепет. Она долго мне обо всём рассказывала и казалась в это время не человеком, а воплощением самой богини.

На следующую ночь месяц опять был ясный, и мы, несколько дам, открыли восточные двери дворца Глициний⁵ и беседуя, любовались луной. Увидев, как проследовала в высочайшие покои госпожа из Сливового

павильона⁶ со своей свитой, мы поражены были изяществом повеявших ароматов и роскошью этой процессии, но тут же кто-то из дам сказал, что если бы жива была покойная государыня, то это она бы сейчас следовала к государю. Меня это очень тронуло, и я сложила:

Хоть в небесах она, за облаками
Врата в Небесные Покои
Чужие для неё,
И с высоты с любовью глядя,
Луна о прошлом вспоминает⁷.

Это было зимой, в такую ночь, когда ни луны, ни снега, чтобы любоваться. Хотя и звёздное, небо было тёмным, но до самого рассвета мы с дамами из свиты хозяина дворца⁸ проговорили о разных вещах, и только на заре одна за одной дамы стали прощаться. В память о нашей беседе мне прислали стихи:

Было безлунным небо,
И не цвели вишни,
Но зимняя эта ночь
Чем-то пленила сердце,
О ней вспоминаю с любовью.

И я тоже так чувствовала, даже удивительно, как сходны оказались наши мысли:

Хотя рассветом ночь сменилась,
Но льдинки слёз, тогда пролитых
На рукаве моём не тают.
Опять ночь зимнюю проплачу до утра,
Рыдая в голос.

Когда я проводила ночь в покоях принцессы, я слышала, как на пруду птицы до утра непрерывно кричали и хлопали крыльями, мне тоже не спалось.

Они как я,
Колеблясь на волнах,
Заснуть не могут до рассвета,
И иней отрясая с перьев,
Пеняют на судьбу.

Так шептала я сама себе, а дама, лежавшая рядом, услышала и заметила мне:

Ах, вам скорей пристало
Об участи иных подумать,
Они поболее на волнах дремали,
И иней с перьев отрясали,
Пеняя на судьбу.

Дама, с которой мы были дружны, открыла раздвижную перегородку между нашими комнатами, так что они соединились в одну, и мы с нею весь день провели в разговорах. Ещё одна наша приятельница в это время чем-то занималась в покоях принцессы, и мы несколько раз звали её к себе. Наконец, она ответила: „Ну, раз вы говорите, чтобы я непременно пришла, тогда приду...“ Мы отправили ей случайно оказавшуюся под рукой сухую веточку мисканта со стихами:

Вот зимней стужею побитый
Сухой зачахнувший мискант -
Так наши рукава изнемогли
Тебе махали, призывая.
Не станем больше, положась на волю ветра.

* * *

Дамы, которые принимали у нас придворных высшего ранга и близких к государю, были заранее назначены и известны, что же до неопытных и несветских вроде меня, то гости даже не знали, существуем мы или нет. Но в самом начале десятой луны, как раз была очень тёмная ночь, во дворце читали сутры⁹, и поскольку голоса чтецов были очень благозвучны, мы с одной дамой устроились недалеко от дверей в молельный зал, слушали и беседовали, непринуждённо расположившись на циновках - а тут как раз пожаловал гость¹⁰.

- Бежать звать старших фрейлин из их покоев будет неприлично. Раз уж так случилось, будем вести себя согласно с обстоятельствами. Останемся здесь, - сказала та вторая дама, и я продолжала сидеть рядом, прислушиваясь к тому, как она беседует с гостем. Своей манерой говорить он производил впечатление зрелого рассудительного человека, в нём не было ничего отталкивающего. - А вторая из вас? - поинтересовался он, но не сказал ничего из тех неприкрытых двусмысленностей, что имеют хождение в свете, а заговорил о красе и быстротечности нашей жизни и о других подобных вещах, заговорил очень искренне и печально. Были в его голосе какие-то нотки, которые не позволяли нам решительно оборвать беседу и скрыться в своих комнатах, и обе мы отвечали ему и продолжали разговор. - Оказывается, есть ещё дамы, с которыми я незнаком! - удивлялся он и совершенно не собирался уходить.

Было очень темно, даже звёзд не видно, шёл долгий осенний дождь, и капли, стучавшие по листьям деревьев, издавали причудливый, но приятный звук. - И всё же, как ни странно, в такой ночи есть своя красота, не правда ли? При ярком лунном свете всё слишком хорошо видно, и порой досадуешь на этот блеск без полутонов, - и он заговорил о красоте весны и осени:

- Подчиняясь течению времени, мы сначала находим очарование в

весенней дымке, когда она плотно стелется по всему небу, так что вместо яркого лунного лика видно широко разлитое сияние - в такое время хорошо слушать мягкое звучание лютни бива, настроенной на лад „благоуханный ветерок“. Но с наступлением осени, когда месяц становится удивительно ясным, и невзирая на пелену тумана, его, кажется, можно руками потрогать, так ярко сияет он на небе, тогда под аккомпанемент ветра и голосов насекомых приятно звучание тринадцатиструнного кото, когда вместе с ним слышна чистая мелодия флейты - тут и подумаешь: что же такого находил я в весне? Но не успеешь оглянуться, как уже и зима, ночью даже небеса прозрачны и холодны, и на снежных сугробах лунные отблески - слушаешь дрожащий голосок дудочки хитирики, и забываешь равно о весне и об осени, - так он говорил, а потом спросил нас :

- А какое время года ближе вашему сердцу?

Вторая дама ответила, что ей милее осенняя ночь, и я, решив что не стоит повторяться, ответила так:

И неба бирюза,
И вишен цвет,
Всё дымкою окутано весенней,
И призрачною кажется луна
Весенней ночью.

Он несколько раз вслух произносил эти строки, а потом спросил:

- Так вы не признаёте красоту осенней ночи? - и прочёл стихотворение:

После этой ночной беседы,
Если дней мне судьба отпустит,
Стану весенние ночи
Вашим считать подарком,
Оставленным мне на память.

Тогда дама, выказавшая предпочтение осени, прочла:

Кажется, все вокруг
Сердце весне отдали,
Неужели совсем одной
Любоваться мне суждено
Луною осенней ночи?

Кажется, нашему гостю беседа была интересна, и с задумчивым видом он продолжал:

- Даже в Китае издавна повелось, что предпочесть весну или осень люди находили непростым делом. Вероятно, есть причина в том, что каждая из вас сумела выбрать, что близко её сердцу. Кажется мне, что когда сердце чем-то взволновано, когда что-то кажется нам печальным или прекрасным, то в такие минуты и небеса над нами, и луна, и цветы глубоко запечатлеваются в душе. Мне очень хотелось бы знать, какой узелок в судьбе заставил вас избрать весну или же осень. Исстари луну в зимнюю ночь приводят в качестве примера, когда говорят о вещах прозаических, лишенных прелести, да к тому же в зимнюю пору слишком холодно любоваться луной - и я никогда не обращал к ней взора. Но вот, как посланец императора, я поехал в Исэ по случаю совершеннолетия принцессы-жрицы и обряда надевания юбки „мо“¹¹. К рассвету я хотел уже вернуться в столицу, но когда увидел яркий отблеск месяца на снегу, выпавшем за эти дни, и представил, что вот под этим „небом странствий“ и лежит мой путь, то душе стало тревожно и неудобно. Когда я явился с прощальным визитом к принцессе, то был приглашён в зал, предназначенный для подобных случаев, равного ему больше нет, ибо всё там внушает трепет благоговения. Служительницы, которые пребывали здесь ещё во времена государя-отшельника Энью¹², сами

казались божествами, от них словно веяло стариной и благолепием. Они поведали множество историй о делах минувших, и на глазах у них были слёзы, а потом они достали тончайше настроенную лютню бива, и слушая их игру, я позабыл сей мир и жалел, что эта ночь когда-нибудь кончится - а о столице уж и вовсе не вспоминал. Вот с этих-то пор и проникся я красотой снежной зимней ночи, и пусть с жаровней под боком, но непременно выхожу на веранду ею полюбоваться. И у вас, я думаю, непременно есть причина любить то или иное время года. А я отныне запечатлел в своём сердце и тёмную осеннюю ночь, когда в непроглядной черноте идёт долгий дождь. Она, пожалуй, не уступит той снежной ночи во дворце принцессы-жрицы, - с этими словами, он попрощался и ушёл. Лишь после я подумала, что он так и не спросил, кто я.

* * *

На следующий год, в восьмую луну, я опять сопровождала принцессу в императорский дворец. В зале для высших чинов всю ночь музицировали, но я не знала, что там был и тот человек. До утра я не сомкнула глаз в одной из комнат для младших дам, и наконец открыла дверь, которая выходила в узкую крытую галерею и выглянула - очень интересно было любоваться бледным рассветным месяцем, то ли есть он, то ли нет его... Тут раздался стук деревянной обуви, и появился какой-то человек, который декламировал сутру. Декламировавший сутру остановился возле моей открытой двери и завёл разговор - я что-то ответила, и он вспомнил:

- А, та ночь, когда шёл долгий дождь! Я не забывал её ни на минуту и дорожу ею до сих пор.

Говорить много обстоятельств не позволяли, и я произнесла лишь:

Но отчего?
И что влечёт воспоминанья?
Такой обыденный
Осенний долгий дождь
Стучал по листьям...

Я едва успела договорить, как подошли ещё люди, и я скрылась в глубине комнаты, а вечером этого дня покинула императорский дворец. Поэтому свой ответ на моё стихотворение он передал через известную уже даму, которая в ту ночь была с нами: „Как-нибудь, когда снова будет лить долгий дождь, я хотел бы сыграть для вас на бива, насколько, конечно, позволит моё умение...“ - так он говорил. Это звучало очень заманчиво, и я ждала, когда же выпадет случай, но этого так и не случилось.

Однажды весенними тихими сумерками мы услышали, что человек этот во дворце принцессы, и с дамой, с которой были и прежде, решили показаться наружу, однако всё время приходили какие-то люди, да и в комнатах, как обычно, были дамы, и мы передумали и вернулись к себе. Он, наверное, решил так же - хотел, видимо, спокойно провести вечер, для того и пришёл, а тут оказалось так шумно илюдно, что он удалился. Для себя я сложила вот эти стихи, и ими всё закончилось:

На Касима украдкой бросив взор,
Сгорая, отворила двери
И в бухту Наруто гребу –
Рыбак на взморье,
Что на сердце моём ты угадал?¹³

Это был необычный человек, не такой, как другие, серьёзный, не в его характере было выспрашивать, что стало с той, и кто такая эта - он просто ушёл.

Теперь я глубоко раскаивалась в том, что раньше была так беспечна, и горько сожалела, что родители в юности не водили меня на богомолье. Нынче я разом стала и богата, и вольна в решениях, я могла на свое усмотрение заботиться о нашем юном росточке, да и о себе. Раз уж горой Микура скопились у меня сокровища, то я укрепилась в мысли о том, что следует побеспокоиться о грядущей жизни в мире ином.

В двадцатых числах месяца симоцуки я отправилась на поклонение в Исияма. Густо падал снег, и даже то, что я видела вдоль дороги, казалось очень живописным. Когда же я взглянула на заставу Аусака, то мне вспомнилось, что давным-давно в детстве мы тоже миновали ее зимой, и точно так же бушевал тогда ветер.

На Заставе Встреч Аусака
Дует ветер на перевале,
Голос ветра уже я знаю,
Я когда-то его слыхала,
Он и теперь все тот же.

А когда я увидела величественное здание храма Сэкидзи, и мне вспомнилось, что в прошлый раз можно было различить лишь начерно вырезанные контуры лица Будды, я остро почувствовала, сколько миновало с той поры лун и лет. А побережье Утиидэ ничуть не переменялось, и выглядело совершенно так же, как тогда.

Мы добрались до места уже в сумерках, сначала вошли в покои для омовений, а затем наконец вступили в пределы главного святилища. Людских голосов слышно не было, только устрашающий свист горных ветров. Я стала молиться и посреди молитвы задремала – во сне мне

явился человек, который изрек: „Из серединного зала пожаловали нам ароматный мускус. Скорее пойдти и скажи им об этом. “Я очень удивилась, и только когда сообразила, что это сон, подумала, что может быть, он принесет мне что-то хорошее, и всю ночь провела в молитвах. На следующий день опять был сильный снегопад, и я, чтобы развеять уныние, беседовала с сопровождавшей меня дамой, с которой мы сблизились еще во время службы во дворце. Всего я провела там три дня, а затем вернулась.

* * *

На следующий год, двадцать пятого числа десятого месяца, объявлена была церемония высочайшего очищения по случаю Великого Благодарения¹⁴ и об этом много шумели, а я уже начала поститься, чтобы идти на поклонение в храм Хасэ, и решила как раз в этот день покинуть столицу. Близкие говорили мне: „Такое можно увидеть лишь один раз за царствование, даже из глубинки идут люди, чтобы посмотреть на это. В году немало других месяцев и дней – разве не безумство именно теперь уезжать из столицы? Да это же войдет в притчу, все станут о тебе говорить!“ Брат был очень сердит на меня, а вот отец моего мальчика позволил мне поступить как я хотела и пойти на богомолье: „Как знаешь, как знаешь... Делай, как тебе по сердцу“, – и я очень была растрогана его заботой. Те же, кто собирался идти вместе со мной, похоже больше заинтересовались зрелищем, и мне было их жаль. – Что проку глазеть? А вот паломничество в такой момент непременно зачтется мне, и будет отмечено самим Буддой, – так я думала, и твердо решив ехать, на рассвете следующего дня отправилась.

Когда мы шествовали по Второму проспекту – впереди глашатаи с жертвенными светильниками, свита в белых одеждах – то во множестве устремившиеся к галереям для зрителей люди, конные, пешие и в экипажах, удивленно спрашивали: „А это что? А эти куда?“, и кое-кто

усмеялся, а то и вышучивал нас. Когда мы проходили мимо усадьбы начальника дворцовой гвардии Ёсиёри, он как раз отправлялся чтобы занять свое место на зрительских рядах: ворота были широко открыты и возле них стояли люди. Одни смеялись над нами: „Уж не богомольцы ли? Мало им дней в году!“ Но был среди них и разумный человек: „К чему послужит нам то, что мы будем услаждать свой взор? А этих людей, укрепившихся в вере, Будда несомненно, пожалует своей милостью. Как мы суетны! Заняты зрелищами, а надо бы, как они, молиться,“ – но только он один был такой рассудительный.

Мы пустились в путь затемно, чтобы не привлекать внимания, а встречных, которые с опозданием тянулись на праздник, мы пропускали, остановившись в воротах храма Хосодзи, заодно пережидая, пока рассеется необыкновенно густой туман.

Толпы деревенских жителей, пришедших в столицу полюбоваться зрелищем, казалось, текли сплошным потоком. Все дороги были запружены, и наша повозка, сторонкой прокладывая себе путь, вызывала страх и неприязнь даже у несносной глупой ребятни. В самом деле, как это мы отправились в такое время? – думала я, глядя на все это. Однако, неустанно вознося молитвы Будде, в конце концов мы добрались до переправы Удзи¹⁵.

Здесь тоже столпился народ, конечно, все желали плыть на нашу сторону. Люди, которые управляют на лодках с баграми, высокомерно поглядывали на бесчисленное множество ожидающих, а сами не спешили со своими суденышками, стояли, навалившись на весло, положив на голые руки с подоткнутыми рукавами голову, и посвистывали с самым неприступным видом.

Мы не могли переправиться целую вечность, и я внимательно вглядывалась в окружающий пейзаж, ведь именно здесь жили дочери принца Удзи в романе Мурасаки Сикибу¹⁶, и мне было очень любопытно,

что же это за место такое, почему именно здесь она поселила своих героинь. Я как раз заключила, что здешние места и вправду хороши, когда наконец-то нас перевезли на другой берег.

Я посетила расположенный в Удзи дворец нашего господина¹⁷, и разглядывая его убранство, прежде всего подумала о том, что в таком вот дворце жила и дева Укифунэ.

Поскольку мы вышли из дома еще до рассвета, мои люди устали, и мы остановились на отдых в Яхирудзи. Только взялись за еду, как кто-то из провожатых сказал: „А ведь дальше гора Курикома, слава о ней идет недобрая. И солнце уже клонится к закату... Не собрать ли нам все вещи в одно место?“ Услышать такое мне было очень страшно. Однако гору мы перешли, и когда уже подходили к водоему Ниэно, солнце опустилось за вершины холмов. Пора было остановиться на ночлег – и мои люди разбрелись на поиски. Но место было пустынное:

– Здесь есть только одна ветхая хижина бедняков... – сказали мне. Что ж, делать нечего, – мы заночевали там. В доме были только двое мужчин оборванного вида, а все остальные, якобы, ушли нынче в столицу.

Ночь мы опять провели без сна, так как эти люди без конца ходили в дом и из дома. Я слышала, как в дальней комнате служанка спросила у них: „Что вы все ходите?“ – а они, наверное, решили, что мы уже спим, и говорят:

– А как же? Кто знает, что на уме у этих постояльцев? Унесут еще котел для риса – что мы тогда будем делать? Не до сна – ходим вокруг, стережем... И обидно мне было это слышать, и вместе с тем смешно.

На следующее утро мы двинулись дальше, по дороге зашли в храм Тодайдзи, помолились там. Святилище Исоноками и правда показалось мне очень древним, там все очень обветшало.

Ночь мы провели в храме, в деревне Яманобэ. Я была очень утомлена, но все же немного почитала сутры, а потом уснула. Мне приснилось, что

я пришла к некоей женщине, невыразимо прекрасной, дул сильный ветер. Заметив меня, женщина улыбнулась:

– Зачем ты явилась? – спросила она.

– Но как могла я не прийти?

– Да-да, ты ведь бываешь во дворце. Тебе полезно будет посоветоваться с госпожой Хакасэ-но Мёбу.

Пробудившись, я почувствовала радость и ободрение, и еще более истово стала возносить молитвы.

Переправившись через реку Хасэгава, мы в тот же день к вечеру добрались к месту паломничества. После церемонии очищения я вступила в храм и три дня провела в молитвах. Собираясь на рассвете пуститься в обратную дорогу, я задремала, и этой ночью явился служитель из главного храма и как будто бы бросил мне что-то со словами: „Вот ветка дерева суги, знак благоволения бога Инари“.¹⁸ Я проснулась, и оказалось, что это всё был сон.

На рассвете, ещё в темноте, мы двинулись в путь. По дороге нам не встретилось такое место, где бы можно было передохнуть, и мы попросились на постой в хижину на ближнем склоне гор Нарасака. Это был совсем маленький домик.

- Места здесь, кажется, нехорошие. Не вздумайте заснуть! - сказали мне. - Если что, ни в коем случае не поднимайте шума, лежите себе, затаив дыхание.

После таких наставлений я была премного удручена и напугана. Мне показалось, что миновала тысяча лет, прежде чем рассвело. Но вот, наконец, настало утро.

- Это воровской притон. Его хозяйка весьма подозрительная особа, - объяснили мне.

В день, когда дул очень сильный ветер, мы оказались на переправе Удзи, и наша лодка проплывала совсем рядом с расставленными мрежами.

Об Удзигава-реке

Плещет волна-молва,
Шум её до меня долетал.
Нынче ж смогла сосчитать
Даже рябь от рыбацких сетей.

* * *

События, отстоящие друг от друга на два-три года, а то и разделённые четырьмя, пятью годами я описываю одно за одним, подряд, и получается, что я без конца ходила на богомолье - это не так, и в моих странствиях случались перерывы.

Весной я затворилась в обители Курама. Вершины гор окутывал туман, вокруг всё было недвижимо, и очень позабавило меня, когда мне принесли отведать немного корней тогоро, выкопанных на горных склонах. Когда мы уезжали отсюда, цветы сакуры все уже опали, и ничего примечательного на обратном пути не было. А вот когда в десятую луну мы снова вернулись, то горы по дороге выглядели много прекраснее, чем прежде. Казалось, что по склонам расстелена парча. Но лучше всего была вода, ручей кипел и бурлил, разбрасывая капли хрустала.

Добравшись до места и расположившись в покоях для паломников, я любовалась осенними листьями, окроплёнными дождём - ничто не сравнится с этой картиной.

Здесь, глубоко в горах
Пёстрая ткань листвы
Совсем по-другому ярка,
Точно глубже впитала краску-
Чем окропил её дождь?

Я глядела и не могла наглядеться.

* * *

Прошло два года, я опять совершала молебствие в Исияма. Всю ночь лил страшный дождь. „Какое неудобство для путников!“ - думала я и слушала шум воды. Потом подняла ставни ситоми и выглянула: яркий свет луны проникал даже на дно ущелья, не было ни облачка, а то, что я приняла за звуки дождя, оказалось шумом потока, струящегося среди корней деревьев

Река в ущелье гор.
 Стремнины шум
 Я приняла за дождь,
 Так необычно!
 Ведь месяц нынче небывало ясный!

* * *

Когда я вновь отправилась на богомолье в Хасэ, мне было на кого положиться, не то что в прошлый раз. В пути нас повсеместно привечали, проехать мимо и не зайти никак было нельзя.

В роще Хахасо, что в краю Ямасиро, осенняя листва была и вправду бесподобно хороша. Когда мы переправлялись через реку Хасэгава, мне пришло на ум вот что:

На реке Хасэгава волна
 То отхлынет, то снова нагрянет -
 Вот и я вернулась сюда.
 Веткой суги поданный знак
 В этот раз мне явит свой смысл.

Я очень верила в это.

Три дня мы молились, а потом тронулись в обратный путь. На холме Нарасака, в той маленькой избушке, что прежде, в этот раз заночевать было нельзя, уж очень разрослась наша партия. В чистом поле соорудили

временный кров, там поместились такие как я, а люди наши заночевали на воздухе. Они расстелили на траве свои кожаные наколенники и прочее снаряжение, сверху бросили циновки, и в таком ненадёжном убежище провели всю ночь до рассвета. Утром их волосы были совершенно мокрые от росы. Месяц на рассвете был необычайно ясный и красивый, такой редко увидишь.

Наш путь неведом,
Но и в небе странствий
За нами следует
Всё тот же, что в столице,
Рассветный месяц.

Положение моё теперь не было таково, чтобы отказывать себе в некоторых прихотях, и я бывала на богомолье в самых отдалённых храмах, порой имея в пути немало развлечений, порой терпя лишения. Для моего своенравного сердца это была и отрада, и утешение.

Печалиться теперь мне было не о чем, и лишь мысли о том, когда же, наконец, мои младшие дети войдут в разум и я увижу их в достойном звании, не давали мне покоя, заставляя торопить течение месяцев и лет. Что же до него, моей опоры, то я желала всем сердцем, чтобы ему уготована была радость встать вровень с людьми сановными, на это я очень надеялась.

* * *

В прежние дни была одна дама, с которой мы очень сблизились - день и ночь писали друг другу стихотворные послания. Хотя это давным давно миновало, мы и потом не прекращали обмениваться письмами, пусть и не так часто, как когда-то. Но теперь она стала женой наместника провинции Этидзэн и вместе с ним уехала из столицы. От неё не доходило ни звука, я не выдержала и послала с оказией весточку:

Друг другу мысли поверяя,
Хранили мы наш огонёк.
Теперь угас он,
На просторах Коси¹⁹
В снегу глубоком утонул.

А она в ответ:

В Сираяма - Белых горах²⁰
Под снегами укрытый,
Даже камушек самый малый
Потаённые думы хранит -
Так разве угаснуть огню?

* * *

В первые дни третьей луны я отправилась в одно место далеко в Западных горах. Втайне от людских взоров, под покровом лёгкой дымки, тревожа душу своей прелестью, привольно и буйно цвела там сакура - лишь цветы и цветы кругом.

Далёко отсюда жильё,
В этакой глухомани
Горной тропой
На цветы поглядеть
Ни один не идёт человек.

* * *

Когда мои семейные дела разладились, я затворилась в Удзумаса. От дамы, с которой мы часто беседовали во дворце, пришло письмо. Я как раз сочиняла ответ, когда послышались удары колокола, и я написала:

Так всё переплелось -
О, эти страсти мирские!
Нет забвенья от них.
Колоколам предзакатным
С трепетом я внимаю.

* * *

При дворе принцессы, в этой безмятежной светлой обители, было нас трое дам, душами сродных, и мы часто беседовали. Как-то вернувшись домой, я на следующее утро не знала, куда себя деть, так мне их не хватало, и я написала этим двоим:

На пенных скалах прибоя
Враз рукава намокнут –
Знаю это, но вы,
С кем вместе волной накрывало,
Мне оттого лишь дороже.²¹

Мне ответили:

На каменистом взморье
Сколько мы ни искали,
Нет ни ракушки - напрасны
Были труды рыбачек,
Лишь рукава солонь.²²

И ещё одна дама так написала:

Если бы не росла
В бухте морская трава,
Что зовут мирумэ - встреча,
На пенных скалах рыбачка
Не ждала бы у моря погоды.²³

Одна особа, с которой вот так же мы были душевно близки и всегда поверяли друг другу печали и радости этой быстротечной жизни, теперь уехала в провинцию Тикудзэн. Некоторое время спустя, когда на небе взошёл особенно яркий месяц, я вспомнила, как такой же ясной ночью мы встретились с ней во дворце и не смыкая глаз до рассвета любовались луной. С нежностью предаваясь этим воспоминаниям, я уснула, и мне словно наяву привиделось, будто мы снова с нею вместе во дворце. Я так обрадовалась, что пробудилась - это оказался только сон. Луна уже касалась гребня гор. „Уж лучше бы не просыпаться!“²⁴ – и обращая взор к месяцу, я сложила:

Растаяли грёзы,
 В постели бессонной
 Плыву я рекою слёз.
 Про то, как тоскую, ты ей расскажи,
 На запад идущий месяц!

* * *

По делам мне нужно было осенью поехать в Идзуми²⁵. После Ёдо дорога была так красива, столько было интересного, что у меня не хватит слов описать это. Когда мы остановились на ночлег в Такахама, вечер был очень тёмный, и в густых сумерках слышался плеск от вёсел. Сказали, что это лодка певичек. Мои люди заинтересовались и поманили их пристать к нашему борту. Издали, при свете факелов, артистка выглядела изысканно, когда в своём кимоно с очень длинными рукавами пела, прикрывая лицо веером.

На следующий день, когда солнце уже заходило за кромку гор, мы добрались до бухты Сумиёси. И небо, сплошь затянутое туманом, и верхушки сосен, и гладь моря, и берег с набегающими волнами были

столь прекрасны, что никакой рисунок не смог бы этого передать.

Как ни скажи,
С чем ни сравни,
Это едва ли опишешь –
Вечер осенней порой
В бухте Сумиёси.

Наша лодка уплывала прочь, а я, обернувшись назад, всё глядела и никак не могла налюбоваться.

Когда зимой мы возвращались в столицу, то садились на лодки в бухте Оцу. Как раз в тот вечер поднялся ветер с дождём и так разбушевался, что казалось - скалы сдвинутся с места. Ударила гроза, волны с шумом бились о берег, неистово дул ветер. Всё это наводило ужас, и мне казалось, что жизни настал конец. Лодки наши втащили на высокое место, и там мы ждали рассвета. Утром дождь утих, но ветер всё так же дул, и плыть на лодке было нельзя. Пути нам не было, и мы оставались на том холме пять или шесть дней.

Наконец, утомившись, немного ослабел и ветер. Я приподняла навес лодки и выглянула: вечерний прилив прибывал прямо на глазах, и пронзительный крик журавлей над заливом бередил душу.

Пришли здешние люди, они сказали:

- Если бы вы той ночью отплыли из бухты и попытались пристать в Исидзу, от этого судна не осталось бы и следов!

Страшно было услышать такое.

А если бы в бушующее море,
Опередив грозу,
Ушёл корабль?
Как без следа исчезли волны в Исидзу,
Не стало бы меня?

* * *

Жизнь моя складывалась так, что сердце не отпускали тревоги - то одно, то другое. Вот и служба во дворце: если бы я с самого начала безотлучно была при дворе, наверное, всё было бы иначе, но я являлась лишь от случая к случаю - едва ли из этого могло выйти что-нибудь стоящее. Годы мои всё прибавляются - пристало ли равняться с молодыми? - думалось мне. Да и телесные недуги умножились, теперь даже на богомолье я не могла ходить столько, сколько мне хотелось бы. Оставила я и бдения в дальних обителях, которые прежде время от времени совершала. Предчувствуя, что жить осталось недолго, я ложилась и вставала с мыслью о том, как бы устроить будущее моих малолетних детей, пока сама я ещё с ними, в этом мире.

Продвижение мужа по службе, ожидаемое нами с большим нетерпением и надеждой, решилось осенью, но вопреки нашим помыслам, назначение было в очень отдалённую провинцию²⁶, что разочаровало нас несказанно. Но мне объяснили, что это не дальше провинции за восточным трактом, где я бывала с отцом, и волей-неволей я спешно принялась готовить всё к отъезду.

„Выход из ворот“ был назначен на десятый день восьмой луны, из дома дочери моего мужа, она совсем недавно туда переселилась. Нам не дано знать будущее, и в те дни у нас было очень оживлённо и весело, много людей приходило, было даже шумно.

Уезжали двадцать седьмого числа, сын тоже ехал с отцом. В нижнем одеянии алого шёлка, в двустороннем кафтане, в тканых из лиловой парчи шараварах, при мече, он следовал за отцом, который также нарядился в голубые шаравары и охотничий кафтан. Возле крытой галереи они оседлали своих коней.

После шума и суеты отъезда я чувствовала себя точно потерянная,

не понимая, за что взяться. Я теперь уже знала, что путь их лежит не очень далеко, и не тревожилась так, как это бывало со мной прежде, поэтому когда вернулись провожавшие их люди и рассказали, что отъезд привлёк всеобщее внимание своей пышностью и что над отъезжавшими вспыхнул необыкновенно большой огонь „хитодама“²⁷, который поплыл в сторону столицы, я решила, что он имеет отношение к кому-то из свиты. Мысль о том, что это очень дурной знак, совершенно не закралась мне в голову.

Отныне у меня не было других забот, кроме той, чтобы поднять на ноги младших детей.

На следующий год в четвёртую луну муж вернулся, мы были вместе лето и осень. Двадцать пятого числа девятого месяца он заболел, а пятого числа десятого месяца его не стало. Я была как во сне, за всю мою жизнь я не переживала подобного. Вот оно, отражение в зеркале храма Хасэ, та тень, распростёртая на полу в рыданиях! А отражение, что сулило радость, так и не сбылось. И отныне ему уже не суждено сбыться...

Двадцать третьего числа ночью дым погребения без следа растаял в облаках. Воспоминания о том, как тогда, осенью, я любовалась нарядным сыном, следовавшим в свите отца, мешались с нынешней картиной: в чёрном-чёрном одеянии, со скорбной траурной накидкой поверх, сын шёл за катафалком, плача и плача...

Не подберу, с чем сравнить моё состояние, но мне казалось, будто я заблудилась в снах, и как знать - может быть, покойный видел меня в этот момент?

Если бы с ранних лет я не влеклась душою лишь к бесполезным сочинениям и стихам, если бы с утра до вечера помнила о молитве, совершала обряды, возможно, мне не пришлось бы увидеть эти сны тщеты земной. Во время моего бдения в храме Хасэ было мне сказано:

„Веточка суги из храма Инари“, – эту веточку дали мне не зря. Надо было тут же, не откладывая, совершить паломничество в Инари - тогда, быть может, всё сложилось бы иначе! Многие годы толкователи разъясняли мне, что в моём сне слова: „Молись богине Аматаэрасу!“ - сулят будущность кормилицы высочайших особ, жизнь во дворце, покровительство императора и императрицы, однако ничего из этого не сбылось. Лишь печальное отражение в зеркале оправдалось в точности - и горько это, и досадно...

Видно, такой уж я родилась - никогда не получалось в жизни по моему, ничего достойного я не сделала, а поток влечёт всё дальше.

* * *

Да, жизнь земная быстротечна и хрупка, но мы живём! Со страхом гляжу я вперёд - неужели и в том, ином мире всё будет не так, как грезится? Лишь одно даёт мне надежду - тринадцатого числа десятого месяца на третий год Тэнки я увидела во сне будду Амида²⁸, стоящего в саду перед нашим домом. Отчётливо он не был виден, словно его отделяла от меня туманная пелена, и лишь напрягая взор, за ней можно было разглядеть, что Будда восседал на лotosовом троне, возвышающемся на три-четыре сяку от земли, а ростом он был около шести сяку. От него исходило золотое сияние, и одну длань он словно бы простирает ко мне, а другой делал магический жест. Для всех остальных он был невидим, я одна его лицезрела, и трепеща в благоговении, не смела придвинуться поближе к краю своей ширмы, чтобы лучше его разглядеть. Глас Будды возвестил: „Итак, ныне я возвращаюсь, а в следующий раз приду за тобой“, - но лишь я одна могла внимать этим словам, другие люди их не слышали. Когда я это поняла, то очень удивилась и сразу же очнулась от сна - это было четырнадцатого числа. Этот сон один даёт мне веру в грядущее.

* * *

Мои племянники прежде жили в одном с нами доме²⁹, мы виделись с ними и утром, и вечером, но после тех печальных и скорбных событий они разъехались кто куда и совсем не показывались. Как-то в безлунный тёмный вечер мой племянник из Рокухара³⁰ вдруг навестил меня. Это было так необычно, что у меня вырвалось:

Ведь сегодня месяца нет,
И темна сгущается ночь
Над вершиной Покинутой Старухи,
Над горою Обасутэ -
Так зачем ты сюда пришел?³¹

* * *

От дамы, с которой мы были очень дружны, после всего, что случилось, не было ни единой весточки.

Уж не подумала ли ты,
Что в этом мире
Среди живущих больше нет меня?
Горюя, плача и страдая,
Я всё еще живу.

* * *

В десятом месяце луна была необычайно яркой, а я, глядя на нее, плакала и плакала.

Беспросветно,
Пасмурно в душе,
Но и сердцу, ослеплённому слезами,
Видится сиянье это -
Лунный лик!

* * *

Прошли месяцы и годы, но стоит мне вернуться к тем дням, похожим на сон, как сердце приходит в смятение, перед глазами становится темно, и всё, как было, отчётливо вспомнить я не могу и теперь.

Все разъехались, а в старой усадьбе осталась я одна, и в ночь, когда тоска и тревога не давали мне заснуть, я написала той, от которой давно не имела вестей:

Зарастает двор,
Полынь-трава
Росами пропитана насквозь,
Люди не приходят сюда,
Плачу в голос я не стыдись.

Она была монахиня и ответила:

Двор, полынью заросший –
Это ведь мир людей,
Загляни же, попробуй,
В сад отринувших тщету -
Только травы и травы!

Комментарии

1 *Праздник возглашения имён будд* – трёхдневные молебны в конце года, которые проводились во всех дворцах членов императорской семьи для искупления совершенных в течение года грехов.

2 *Это моё новое положение ...* – по-видимому, родители не просто заточили героиню в домашних стенах, запретив бывать во дворце, но выдали замуж. Приблизительно с 1040 года её мужем стал бывший наместник провинции Симоцукэ, Татибана-но Тосимити (1002 -1058). Героине было 33 года, по тогдашним меркам, замужество было поздним.

3 *Уж сотни сотен раз рвала я / ту горькую полынь...* – выражение „рвать полынь“ (сэри-о цуму) означает напрасные старания, бесплодные усилия.

4 *...офицер дворцовой гвардии Каору тайно поселил свою любимую в Удзи...* – речь идёт о героях романа „Гэндзи моногатари“. В завершающих главах романа действие происходит в местности Удзи к югу от столицы, рассказывается о любви Каору, номинального сына Гэндзи, к девушке по имени Укифунэ.

5 *Дворец Глициний* – по-японски Фудзицубо, здание дворцового комплекса, расположенное к северу от резиденции императора, дворца Сэйрёдэн. Во дворце Глициний когда-то была резиденция покойной матери принцессы Юси, поэтому малолетняя принцесса со свитой также остановилась в этом помещении во время визита ко двору своего отца, императора Госудзаку.

6 *...проследовала в высочайшие покои госпожа из Сливового павильона...* – в Сливовом павильоне (Умэцубо) жила одна из главных наложниц императора Госудзаку по имени Нарико (умерла в 1068 году). Нарико была дочерью Фудзивара-но Норимити, она заняла место покойной императрицы Гэнси, чьей малолетней дочери прислуживала автор „Сарасина никки“.

7 *Хоть в небесах она, за облаками...* – автор дневника в этом стихотворении обыгрывает название дверей в императорскую опочивальню (амэ-но то – дверь в небеса). Луна хотя и живёт на небе, „дверь в небеса“ ей недоступна.

8 *...мы с дамами из свиты хозяина дворца...* – речь идёт о дамах из свиты канцлера (кампаку) Фудзивара-но Ёримити, который был опекуном малолетней принцессы Юси и хозяином её резиденции, дворца Такакура. Свита канцлера проживала вместе с ним во дворце Кая, расположенном рядом с дворцом Такакура.

9 *...во дворце читали сутры...* – время от времени во дворце устраивали чтение сутр, их читали по очереди в течение суток двенадцать монахов с красивыми голосами.

10 *... а тут как раз пожаловал гость...* – это был Правый министр и известный поэт Минамото-но Сукэмита (1005-1060).

11 *...как посланец императора, я поехал в Исэ по случаю совершеннолетия принцессы-жрицы и обряда надевания юбки „мо“.* – Принцессой-жрицей в 1018-1036 годах была Ёсико, дочь принца Томохира. В 1025 году Минамото-но Сукэмита посетил церемонию её совершеннолетия, которая

состояла в торжественном надевании атрибута женской одежды мо . Обычно обряд совершали по достижении девочкой тринадцати лет. „Мо“ – это полотнище с заложенными складками, пришитое к поясу, в ненадетом виде напоминающее фартук. Надевали „мо“ как шлейф, а пояс завязывали на животе. Исключительно женской одеждой „мо“ можно считать с IX в.

12 *Служительницы, которые пребывали здесь ещё во времена государя-отшельника Энью...* – император Энью правил в 969-984 годах, а описываемые события относятся к 1025 г.

13 *На Касима гляжу...* – стихотворение целиком построено на игре слов и очень трудно для перевода, приводим подстрочник:

Касима митэ	На Касима гляжу (ищу удобного случая),
Наруто-но ура ни	В бухту Наруто (за створками дверей)
Когарэ идзуру	Гребу-отплываю (сгораю от любви).
Кокоро ва эки я	Мои чувства ты понял ли,
Исо-но амабито.	Рыбак на взморье?

Местность Касима находится в устье реки Кандзаки (северо-запад г. Осака), Наруто – бухта на побережье острова Сикоку.

14 *Церемония высочайшего очищения по случаю Великого Благодарения* – церемония, сопровождавшая вступление на престол нового императора, ритуал был тот же, что и во время ежегодного праздника Вкушения Плодов, когда император совершал пожертвования богам из плодов нового урожая и сам вкушал их. Великое Благодарение предварялось очистительными церемониями, когда император совершал омовение в

реке Камо. В данном случае праздники были связаны со вступлением на престол императора Горэйдзэй (1045).

15 *Переправа Удзи* – лодочная переправа через реку Удзигава недалеко от дворца Бёдоин (один из немногих сохранившихся памятников хэйанской архитектуры, изображён на японских монетах достоинством 10 иен).

16 *...именно здесь жили дочери принца Удзи в романе Мурасаки Сикибу...*
– героини „Гэндзи моногатари“, сёстры Окими, Нака-но кими и Укифунэ
– дочери принца Хати, который жил в Удзи (отсюда „принц Удзи“).

17 *...расположенный в Удзи дворец нашего господина...* – дворец канцлера Фудзивара-но Ёримити (см. комм. 8). До Ёримити хозяином дворца был его отец Фудзивара-но Митинага, а ещё раньше это была императорская вилла. Через шесть лет после описываемых событий дворец был перестроен в храм, это и есть теперешний памятник архитектуры Бёдоин (см. комм. 16). Автор дневника смогла посетить дворец потому, что служила в свите приёмной внучки хозяина, принцессы Юси.

18 *Вот ветка дерева суги, знак благоволения бога Инари.* – Божеству плодородия Инари, часто изображаемому в виде лисы, посвящено много храмов, но в данном случае подразумевается храм Инари, который до сих пор существует в районе Фусими города Киото. Паломники уносили из этого храма веточки криптомерии (суги) и украшали ими причёску – чем дольше не засыхала ветка, тем удачнее считалось паломничество.

19 *...на просторах Коси / в снегу глубоком утонул...* – старинное название северного побережья острова Хонсю на территориях нынешних префектур Исикава, Тояма и Ниигата, один из самых снежных районов Японии.

20 *Сираяма* – горы северного побережья острова Хонсю называли „белыми“ из-за обилия снегов в этих районах. Наличие вулканов создавало образ потаённого в снегах огня, и это обыгрывается в стихотворении.

21 *На пенных скалах прибоя...* – в этом и двух последующих стихотворениях служба при дворе уподобляется опасному морскому промыслу.

22 *На каменистом взморье...* – стихотворение построено на омонимии слова „каи“, имеющего значение „морские ракушки“ и „выгода“. Смысл стихотворения – тщета придворной службы, не принесшей этим дамам высокого положения или дохода.

23 *Если бы не росла...* – пафос этого стихотворения в том, что служба при дворе ценна для автора лишь возможностью встреч с духовно близкими людьми.

24 *„Уж лучше бы не просыпаться!“* – Аллюзия на известное любовное стихотворение поэтессы Оно-но Комати (IX в.), приводим его в переводе А.Долина:

В помраченье любви
Сквозь сон мне привиделся милый –
Если б знать я могла,
Что пришёл он лишь в сновиденье,
Никогда бы не просыпалась!..
(Кокинвакасю, т.2)

Отсылка к любовному стихотворению позволяет предположить, что в действительности автор дневника тоскует не о своей знакомой даме, а о мужчине, и скорее всего это Минамото-но Сукэмита (см. комм.10).

Минамото-но Сукэмита по службе находился в это время в провинции Тикудзэн, как и адресат стихотворения.

25 *По делам мне нужно было осенью поехать в Идзуми.* – Старая провинция Идзуми находилась на юге нынешней префектуры Осака. Возможно, автор дневника ездила навестить своего брата Сугавара-но Садаёси, который служил губернатором Идзуми.

26 *...назначение было в очень отдалённую провинцию...* – имеется в виду провинция Синано (ныне преф. Нагано), куда Татибана-но Тосимити в 1057 г. получил назначение на должность губернатора.

27 *...над отъезжавшими вспыхнул необыкновенно большой огонь „хитодама“...* – фосфоресцирующие огоньки в ночном воздухе, считались душами тех, кто скоро умрёт.

28 *...тринадцатого числа десятого месяца на третий год Тэнки я увидела во сне будду Амида...* – Амида (Amitabha) по представлениям буддистов после смерти забирает в свой Западный Рай тех, кто при жизни в него верил и многократно повторял его имя. Сон точно датирован третьим годом эры Тэнки (1055 г.), и это единственный подобный пример в дневнике, что говорит о значимости события для автора.

29 *Мои племянники прежде жили в одном с нами доме...* – возможно, автор имеет в виду детей своего брата, но точных сведений нет.

30 *Рокухара* – название района на юго-востоке столицы Хэйан. Возможно, что реконструированное прочтение слова „Рокухара“ ошибочно, вариант интерпретации „Рокуро“, и тогда следует переводить: „Племянник по

имени Рокуро“ или „шестой по старшинству племянник“.

31 *Ведь сегодня месяца нет...* – это стихотворение дало название всему произведению, так как оно является аллюзией на известную легенду о горе Покинутой Старухи (Обасутэ) , расположенной в местности Сарасина – отсюда Сарасина никки . Согласно легенде, один человек отвёл свою старую тётку (в некоторых вариантах - мать) умирать в горы, что нередко делали в бедных крестьянских семьях. Однако увидев прекрасную луну, которой славится местность Сарасина, он раскаялся и забрал старуху домой. Таким образом, дочь Такасуэ сравнивает себя с несчастной брошенной старухой и удивляется, что племянник навестил её. В антологии „Кокинвакасю“ содержится стихотворение о горе Обасутэ, которое без сомнения было знакомо, как дочери Такасуэ, так и её племяннику, приведём его в переводе А. Долина:

Ярко светит луна,
Но сердце моё безутешно –
Ведь в Сарасине я
Созерцаю ночью сиянье
Над горою Несчастной старухи...

(Кокинвакасю, т. 3, с. 11)